Гордость советской литературы

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

В мировой литературе можно насчитать очень небольшое количество произведений, которые по праву могут быть названы эпическими.

«Тихий Дон» Шолохова принадлежит к такого рода произведениям. Эпическое произведение должно отражать жизнь всего народа в решающий период его истории. Но в отличие от исторической науки эпическое искусство показывает события в образной форме, через изображение судеб живых, конкретных людей. Создать подобное художественное произведение может лишь тот писатель, который не только в совершенстве знает жизнь народа во всех ее проявлениях, но и мастерски владеет пером.

Михаил Шолохов родился и вырос на Дону в яркой и своеобразной среде донского казачества. Перед его глазами проходили картины жизни казачества до мировой войны, он видел страшное влияние четырехлетней империалистической войны на жизнь народа. В годы гражданской войны, прошедшей на Дону особенно жестокий характер, писатель борется в рядах революционного казачества. До 1922 года он работает продотрядником и сражается с бандитами.

Острому, наблюдательному уму юноши эти события давали громадный материал, который уже с 1923 года стал облекаться в художественную форму. Шолохов пишет рассказы о гражданской войне. В 1926 году писатель принимается за громадный труд над многотомным романом-эпопеей «Тихий Дон».

«И писалось трудно, и жилось трудно»,—говорит об этом времени Шолохов. В 1928 году вышла первая книга романа, создавшая автору громадную известность не только в нашей стране, но и во всем мире.

В течение двенадцати последующих лет Шолохов создал еще три части эпопеи, завершив ее в 1940 году. За это же время, заполненный громадными событиями начала массовой коллективизации, Шолохов пишет прекрасную книгу «Поднятая целина».

Шолохова, как писателя, отличает большая честность и правдивость, не раз пугавшая некоторых робких критиков. Правильное и ясное понимание жизненных явлений в свете основной целеустремленности исторического процесса к коммунизму позволяет писателю изображать жизнь без прикрас, такой, как она есть. Эта глубоко партийная об'ективность писателя делает его произведения захватывающе интересными.

«Тихий Дон» поворачивает читателя гигантским по широте размахом изображаемых явлений и одновременно глубиной проникновения в недра народного быта и человеческих переживаний.

В течение многих десятилетий царское правительство воспитывало казачество как верную опору престола. Казакам внушали идею сословного единства, противопоставляли их в целом всем остальным слоям и классам населения. Но Шолохов показал, как классовая борьба раскалывает этот мир тихого Дона на две половины, непримиримо враждебные друг другу.

Шолохов с необыкновенным мастерством изображает жестокий и косный, но внешне красивый казачий быт дореволюционного Дона.

На первом плане стоит типичная небогатая казачья семья Мелеховых, живущая как и все «полнокрозной горько-сладкой жизнью».

Путь всего трудящегося казачества в годы гражданской войны был очень сложным и противоречивым. Шолохов показывает этот процесс через образ своего главного героя Григория Мелехова. Это сильный и своеобразный характер. Писатель пошел по наиболее трудному пути, сделав своего героя человеком выдающимся. Григорий начинает свою самостоятельную жизнь с того, что разрывает с казачьими традициями. Он полюбил замужнюю женщину и уходит с ней из станицы.

Пройдя чудовищные испытания мировой войны, Григорий, естественно, приходит к принятию революции. В родные донские степи он является с революционными войсками. Но его, крестьянина, властно тянет к себе земля. «Хотелось убирать скотину, мотать сено, дышать увядшим запахом донника, пырея, пряным душком навоза», хотелось «ходить по мягкой пахотной борозде плугатарем, посвистывать на быков, слушать журавлиный голубой трубный клич, ласково снимать со шеи наносное серебро паутины и неотрывно пить вяжный запах осенней поднятой плугом земли».

Но Григорий, как и большинство казаков, боится, что у него отнимут его крестьянское счастье. Собственническое чувство, осложненное вековыми казачьими предрассудками, берет верх. Григорий переходит в лагерь контрреволюции и, постепенно с ужасом ощущая свою неправоту, борется с большевиками. «Я сам себе странный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодце»,—говорит он о себе.

Григорий—талантливый военный — становится опасным врагом советской власти в ее борьбе с казачьей Вандеей. Но и к белым офицерам он не чувствует ничего, кроме жгучей ненависти крестьянина к барину.

Когда Григорий опомнился и после стыдливого разгрома деникинцы перешел к красным, было уже поздно. Он сам не верил в свою искренность и, боясь к тому же расплаты, ушел в белобандитами.

Путь Мелехова и трудового казачества, повернувшего в сторону совет-

М. А. Шолохов.

ской власти, разошлись. Григорий зашел в своем заблуждении слишком далеко. Напрасно читатели, полюбившие Григория, умоляли Шолохова, чтобы он помирил своего героя с большевиками. Писатель не мог солгать.

Трагедия Григория—трагедия человека, оторвавшегося от народа и оказавшегося между двумя враждебными лагерями. Сознание своей вины перед народом заставляет Григория уйти от белых, но внутренне он опустошен и не может вернуться к народу. Григорий как личность погибает.

Громадная человеческая полнота характера Григория подтверждается трагической и прекрасной историей его любви к Аксинье. Во всей мировой литературе до Шолохова никто еще не говорил так о любви представителей трудового народа. Обаятельный образ Аксиньи и повесть о ее любви это тоже новый вклад в мировую сокровищницу искусства.

Рядом с Григорием и его возлюбленной живут полнокровные и яркие характеры представителей казачьего мира, прекрасные своей неповторимой индивидуальностью. Тут и целая галерея образов старшего поколения вроде Пантелея Прокофьевича Мелехова, домашнего хозяина, казака с головы до пят, тут и молодые казаки, из которых выделяется большевик Михаил Кошевой.

Судьба героев «Тихого Дона» тесно переплетается с грандиозными событиями мировой и гражданской войны.

В центре внимания Шолохова—гражданская война. В романе с неотразимой силой и убедительностью показано, как осуществился гениальный план Сталина по разгрому Деникина.

Чудесная природа Дона, на фоне которой развертывается действие романа, служит таланту писателя источником неповторимых по красоте пейзажных зарисовок, сравнений и лирических отступлений. После Тургенева и Толстого мало кто умеет видеть русскую природу так, как видит ее Шолохов.

Социалистический реализм нашел в творчестве Шолохова яркое и исключительно глубокое выражение. Сталинская премия, данная писателю, является залогом новых творческих побед талантливейшего мастера советской литературы.

А. ВЛАДИМИРОВ.

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

В стране социализма создан новый тип писателя. Это писатель социалистического реализма, грандиозного размаха мысли, большого сердца. Советский писатель—истинный патриот, пламенный трибун и социалистический гуманист. Таков Алексей Николаевич Толстой. Произведения Толстого—«Петр I», «Хлеб»—входят в золотой фонд советской литературы. Они поднимают глубокие вопросы как нашей современности, так и далекого прошлого.

Известна исключительно высокая оценка, которую дал роману «Петр I» Алексей Максимович Горький. «Вы знаете,—писал он Толстому,—что я очень люблю и высоко ценю Ваш большой, ценный, веселый талант. Да, я воспринимаю его, талант Ваш, именно как веселый, с этакой искрой, с остренькой усмешечкой, но это качество его для меня где-то на третьем месте, а прежде всего талант Ваш—просто большой, настоящий русский и—по-русски умный... Петр I—первый в нашей литературе настоящий исторический роман. Книга—надолго. Недавно прочитал отрывок из второй части—хорошо! Вы можете делать великолепные вещи».

Перед читателем «Петра I» проходят глубоко реалистические картины отсталой, бедной Руси, изнемогающей под чудовищным игом бояр, дьяков, монастырей. Необходимы крутые и срочные меры, надо во что бы то ни стало догнать Западную Европу. Петр и берется за эту задачу, причем, как указывает В. И. Ленин, Петр «ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Могучий образ царя-преобразователя, созданный Толстым, целиком соответствует этой ленинской оценке. В Петре I А. Н. Толстого нет ничего от схемы. Это необыкновенно живая и полнокровная фигура великого деятеля, поднявшего «на дыбы» Россию. Писатель сумел показать как прогрессивную роль Петра, так и исторический предел его преобразований, направленных к укреплению государства помещиков и торговцев.

В романе представлена богатая галлерея людей на различных слоях русского общества—крестьян, купцов, дворян, бояр. Особенно рельефны и выразительны в романе образы Меншикова, боярина Буйносова, крестьян Кузьмы Жемова и Федьки Умойся Грязью.

Колоритный язык, живые массовые сцены, огромные масштабы действия сообщают роману необыкновенную динамику и ставят его на почетное место в ряду произведений советской литературы.

Сравнительно недавно вышла замечательная историческая повесть А. Н. Толстого «Хлеб», в которой описывается эпоха гражданской войны и военного коммунизма. В «Хлебе» Толстой показал ожесточенную борьбу рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за социалистическое отечество. Образы великих вождей революции Ленина и Сталина, вполне естественно, занимают большое место в этой повести. Глубоко проникая в диалектику ленинской мысли, Толстой пишет: «Победу и успех революции он возлагал на творческие силы народных масс и проводил точку оптимизма через все беды, страдания и испытания... Он страстно утверждал, что история России — история великого народа, и будущее ее великолепно и необратимо, если это понять и захотеть, чтобы так было». «Понять, захотеть и—будет». «Социализм был для него так же реален и близок, как свет рабочей лампы, падающей на лист бумаги, по которому торопливо, с брызгами чернил, бегало его перо...» Эта же оптимистическая вера в человека и наш революционный народ, это же страстное утверждение, что будущее нашей родины великолепно, отличают созданный писателем образ Сталина.

Ворошилов, Пархоменко, Иван Гора, революционные отряды луганских металлистов героически отстаивают от белогвардейщины и немецких оккупантов социалистическую родину. Со страниц повести встают яркие картины борьбы и побед во имя социализма.

Большой масштаб мысли и чувства, оптимизм, правильное понимание законов революции, любовь к нашему сегодня и горячая, страстная вера в коммунистическое завтра, высокое художественное мастерство—все это делает творчество А. Н. Толстого необычайно родным и близким советскому народу. Вся страна с удовлетворением встретила известие о присуждении писателю Сталинской премии.

Проф. Я. А. НАЗАРЕНКО.

А. Н. Толстой.

С. Н. Сергеев-Ценский.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Н. Н. Асеев.

Сталинской премией отмечена повесть в стихах Николая Асеева «Маяковский начинается». Награда высокая и заслуженная. Эта последняя работа Асеева принадлежит к числу наиболее значительных произведений советской поэзии, о чем свидетельствуют единодушные отзывы критики и интерес, проявленный к ней читателем.

Два года назад исполнилось двадцатипятилетие литературной деятельности Асеева. Пройден славный путь, полный творческих исканий — но до утомления еще далеко. Поэт продолжает свое восходящее движение к новым вершинам поэтического искусства.

Что же мы, что же мы,
неужто ж разможжены?
Неужто ж нашей юности
конец пришел?
Неужто ж мы—седыми—
сквозь зубы зацедили,
Неужто ж мы не сможем
разогнать прыжок?

— спрашивал когда-то Асеев. И хотя пришла неизбежная седина, но по-прежнему звонко и молодо звучит голос поэта. Нет, он не «разможжен», и большое и радостное дарование его обрело лишь мужественную зрелость, ясность, глубину.

Асеев начинал в 1914 году сборником «Ночная флейта». Ранние стихи его—и в этой и в последующих книгах—не предсказывают в полной мере будущего Асеева, каким сделали его революционные годы, но в них проступает уже облик поэта-бунтаря, возненавидевшего сытую, тусклую жизнь лавочников и мещан.

Он быстро нашел себе место в рядах создателей нового общества. Оружием художественного слова поэт борется с его врагами. В 1918 г. появился первый газетный фельетон Асеева, направленный против интервентов на Дальнем Востоке, и с тех пор он связан с газетой крепкими узами, как поэт-боец, поэт-агитатор.

Поэт лирический по преимуществу, Асеев создал замечательные народные песни. Но старает и не состарится написанный в 1922 г. «Марш Буденного».

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного
армия—вперед!

Лирика Асеева многообразна. Тонкое чувство природы свойственно ему. Он любит свою страну, свой народ, он радуется каждому новому его успеху. Стихи Асеева оформляют переживания советских людей, их радости и горести воспевает поэт, умеет находить точные, неповторимые выражения для каждой темы.

Но Асееву близок и эпос. Поэма его «Семен Проскаков» в скупых «стихотворных примечаниях» к биографии партизана развертывает эпические картины гражданской войны на Дальнем Востоке. Омерзительной фигуре «черного атамана» Анненкова, кровавому «правителю» Колчаку противопоставлен образ одного из тысяч русских рабочих, положивших свою жизнь за дело революции, честно и свято выполнивших свой долг перед родиной.

Лучшим из того, что сделал уже Асеев, является, бесспорно, его поэма «Маяковский начинается». О Маяковском написано немало статей и книг. Но

Разве
из этого матерьяла
он сделан,
что тащат биографы в ГИХЛ*)?
В нем каждая жилка
жизнью играла
и жизнью играть
вызывала других! —

Образ великого поэта Асеев стремится воссоздать во всей его многогранности, сложности, страшась, «чтоб не вышел он суше и площе, чем жизнь — всегда клокотавшая в нем». И это ему удается. В семнадцати главах поэмы показано развитие личности Маяковского на фоне эпохи, написанном с подлинным блеском.

Превосходно обрисованы Асеевым буржуазные Петербург и Москва, тупое, корыстное, грязное царство лавочников и мещан, в котором задыхался Маяковский. Как хотели они сковать его размах, принять талант, приспособить его на потребу себе! Не вышло! Маяковский упорно шел своей дорогой, отбрасывая и давя кружившуюся вокруг него людскую нечисть. И дорога эта вела к народу.

Картины войны и революции, бытовые сцены чередуются с лирическими отступлениями. Автор говорит со своим читателем, делится с ним самым близким для себя и важным. Поэма публицистична в лучшем смысле слова—и в то же время не теряет силы своего лиризма. В ней проявились лучшие стороны таланта Асеева.

Верный друг и соратник Маяковского, сражавшийся с ним рядом в литературных боях, Асеев с гневом и болью рассказывает о тех, кто травил и мучил Маяковского, рассказывает д. того,

Чтоб новая
радостная эпоха,
отборным зерном человечьим
густа,—

была от бурьяна
и чертополоха
обезопашена
и чиста.
...Чтобы Маяковского
облик веселый
сквозь гущу веков
продирался всегда...
Им будет —
я знаю! —
Земли новоселы,
какая-то названа
нами
звезда.

Крупный мастер стиха, Асеев создал произведение, достойное своего времени.

А. ЗАПАДОВ,
доцент Курского педагогического института.

*) ГИХЛ—Государственное издательство художественной литературы.

„СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА"

12 сентября 1854 года огромная англо-французская эскадра подошла к берегам Крыма и высадила недалеко от Севастополя многотысячную армию, перед которой стояла задача: взять город, сделать его опорным пунктом и завоевать Крым.

Так началось знаменитое событие прошлого века, вошедшее в историю под именем Севастопольской обороны. Вопреки предсказаниям и надеждам союзников, взятие Севастополя затянулось на небывало долгий срок. Почти год оборонял защитники свой город. Это был год огромного самопожертвования и героизма русского народа, одетого в солдатские шинели. Озлобленные интервенты, потерявшие под стенами Севастополя большую часть своей армии, применили все военные средства, какие давала современная европейская техника, чтобы сломить сопротивление осажденных.

Героической обороне Севастополя посвящена выдающаяся по своим художественным достоинствам книга писателя Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Наше правительство высоко оценило этот труд, наградив автора Сталинской премией первой степени.

Книгу пронизывает стремление писателя показать, как проявились в напряженнейший момент русской истории лучшие качества нашего народа, вопреки тому, что во главе государства стоял самый реакционный из монархов, Николай I, а во главе армии—посредственные, немощные руководители — воспитанники его системы.

Отрезанный от остальной России, Севастополь в то время был особенным городом. Неповторимой индивидуальностью он был обязан своему населению—морякам Черноморского флота. Благодаря частым войнам с Турцией, Черноморский флот находился постоянно в состоянии боевой тревоги, что воспитало среди его моряков высокое чувство долга, сознание ответственности и любовь к суровой профессии.

В отличие от армии, строжайше опекавшейся императором, флот был более или менее самостоятелен. Это обстоятельство счастливо помогло развернуться дарованию двух выдающихся руководителей Черноморского флота: Корнилова и Нахимова. Оба героя были связаны между собой той прочной дружбой, которая возникает у людей, имеющих общую великую цель, а крепнет в труде и опасностях. Вместе начали они службу, оба дошли до высоких чинов, оба сохранили до самой смерти человечность, теплоту и веру в свой народ.

Шаг за шагом, любовно и тепло раскрывает автор величие этих обаятельных образов.

Когда интервенты расположились под стенами Севастополя, моряки под руководством Корнилова и Нахимова создали в поразительно короткий срок прочные укрепления, перенесли с кораблей судовые орудия и заняли возле них привычные места. В эти критические дни Корнилов рос у всех на глазах. Одно его появление среди защитников вселяло в моряков ненарушимую уверенность в победе. К смерти он относился с неподдельным равнодушием, появляясь в самых опасных местах всякий раз, как в том была, по его мнению, необходимость. Особенное хладнокровие обстреливаемого матроса отличало и Нахимова, «для которого палуба корабля—вся крепость, которому дана возможность отстреливаться от врага, но не дано способов прятаться от него или бежать». Конечно, эти люди должны были создать свою школу, поколение честных моряков-патриотов, готовящих себя не для легких служебных успехов и смотров, а для боя. Именно таким был один из многих—юный Витя Зарубин, который в 16 лет записался добровольцем на бастион и оставался там до последнего дня обороны.

Огромное нравственное значение книги Сергеева-Ценского состоит в том, что в ней жизнь людей показана в ее высочайшем проявлении, в тот момент, когда люди забывали о личных интересах и начинали чувствовать себя членами одного коллектива, когда, поддаваясь общему народному под'ему, многие скорее чувствовали, чем сознательно понимали свой долг. Так из какого-то внутреннего побуждения сестра Даша переоделась в мужскую форму и пошла на передовые позиции перевязывать раненых; матрос Кошка ходил каждую ночь с друзьями на вылазки, приводя пленных и доставая оружие, а мать семейства соглашалась с тем, чтобы ее дети добровольно рисковали ежеминутно жизнью.

«Севастопольская страда»—произведение страстное и национальное по духу. Конечно, нет такого народа, который бы не любил свою родину, но русскому народу она досталась очень дорогой ценой, поэтому и любовь его беспредельна. В народе прочно жило убеждение, что он—хозяин своей земли. Примеры беспримерной храбрости и самоотверженности, рассыпанные в книге, об'ясняются именно этим — огромной любовью русского народа к своей родине, его великим патриотизмом. Защитники Севастополя смотрели на свое дело, как на не совсем обычную, но важную и неотложную работу, прежде всего. Никакой позы не было—это не могло притти в голову,—все совершалось очень просто, ловко и целесообразно. Эти национальные черты—простота, трудолюбие и самоотверженность русского народа, бесконечно восхищавшие очевидца событий Л. Толстого, несомненно, вдохновляли и Сергеева-Ценского, когда он писал свою эпопею.

Три сражения—на Алме, Инкерманское и у Черной речки, — описанные с выдающимся мастерством, дают незабываемое представление о русском солдате. С веселыми песнями совершали русские полки многодневные переходы по размытой дождями дороге, построенной казнокрадами, а придя на место, без отдыха шли в бой. Несмотря на это, их атака была стремительна, как лавина. Устаревшие приемы официальной военной системы, обязывавшей итти в наступление сомкнутым строем, во ногу, вели к страшным потерям, но почти всегда поредевшая часть подбегала к противнику вплотную и решала успех боя в рукопашной схватке. Среди солдат прочно жили суворовские традиции. Отступление их писатель уподобляет отступлению льва, когда он «отходит шаг за шагом, истекая кровью, но непоколебимо мужественный, непобедимый». Иногда растерявшиеся генералы приказывали отступать, когда надо было сделать всего лишь одно незначительное усилие, чтобы добиться победы. Тогда солдаты долго не хотели верить звукам трубы и кричали: «Измена!» Когда же все офицеры были перебиты, они сами шли в атаку.

Только редкая нерасторопительность генералов помешала выиграть три крупных сражения. Ярким исключением был талантливый полководец и пламенный патриот генерал Хрулев, но и он не мог развернуть полностью своих дарований в окружении бездарностей.

Севастопольская оборона изображена писателем не как замкнутое событие. Сергеев-Ценский развернул широкую картину русской жизни в один из переломных моментов истории.

Эпопея Сергеева-Ценского имеет много общего с лучшими историческими романами русских классиков, но в ней есть нечто новое, что присуще только советской литературе. Это новое — научно-марксистский анализ истории, как средство художественного воздействия.

«Севастопольская страда» — книга исторически точная. Почти все персонажи, описанные в ней, — лица, жившие в действительности. Это нисколько не сковывает автора, напротив, он создал образы настолько жизненные, что иногда кажется, будто он сам был свидетелем всего происходившего. Здесь наука перерастает в искусство, а искусство имеет много общего с наукой. Таким и должен быть исторический роман нашего времени.

Крымская война вскрыла глубокие противоречия внутри России. Один из героев эпопеи, петрашевец Лебу, говорит, что «эту войну как вольтеровского бога нужно было бы нарочно выдумать, если бы не произошла она в силу вполне естественных причин».

Слабость и гнилость самодержавно-крепостнической России, прикрытая войной, ярче всего блистворяется в книге Сергеева-Ценского в образе Николая I.

Когда престарелый Меншиков стал так очевидно бездеятелен, что его надо было отстранить, Николай I долго не мог найти во всей огромной России подходящего заместителя. Он воспитал много низкопоклонных льстецов и запуганных рабов-чиновников, но ни одного верного, преданного человека. Не только Россия смотрела на него с ненавистью и страхом, весь мир боялся и ненавидел безумного, ограниченного солдата на престоле.

Страницы книги, где описана одинокая смерть Николая I, звучат особенно сурово, как беспощадный приговор нашего времени человеку, душившему на протяжении 30 лет огромную страну.

Эпопея «Севастопольская страда», озарившая ярким светом величественный год страданий, борьбы и надежд народных масс России, несомненно, одно из лучших произведений, созданных в советской художественной литературе о славном прошлом нашего народа.

И. ХМАРСКИЙ.